

щенникомъ — предсмертной бесѣдѣ, онъ сказалъ, съ трудомъ выговаривая слова: «Мнѣ скоро конецъ... Собирайтесь, объединяйтесь, русскіе православные люди!»

И такъ энергичный дѣятель, главный вдохновитель монархическихъ партій, отошелъ въ вѣчность! Много искреннихъ слезъ было пролито на его преждевременной могилѣ, и рыданія Москвы найдутъ откликъ во всѣхъ концахъ нашей потрясенной, но начинающей приходить въ себя родины... Найдутъ они безъ сомнѣнія искренній откликъ и въ сердцахъ небольшого кружка здѣсь собравшихся во имя тѣхъ же идей православія, Самодержавія и русской народности, за которыя Влад. Андр. Грингмутъ самоотверженно ратовалъ до послѣдняго издыханія. Да упокоитъ же его Господь отъ земныхъ трудовъ въ вѣчныхъ обителяхъ своихъ!

По окончаніи доклада была провозглашена рабу Божію Владиміру «вѣчная память».

Въ заключеніе о. Предсѣдателемъ губ. Управы было предложено членамъ Союза не оставлять Союзъ и матеріальной поддержкой въ виду оскудѣнія средствъ и вносить въ кассу Тобольскаго отдѣла отъ 50 к. — ожемесячно.

Засѣданіе окончилось пѣніемъ народнаго гимна «Боже, Царя Храни!»

О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.

Цѣль настоящей замѣтки заключается въ томъ, чтобы, на основаніи отрывковъ изъ дневника и писемъ Толстаго, опредѣлить хотя нѣкоторыя черты нравственнаго облика великаго писателя земли русской.

Замѣчательно, что самоанализъ и безпощадное осужденіе самого себя является господствующею чертою характера Толстаго. Такая черта замѣчается, кстати сказать и у всѣхъ почти христіанскихъ подвижниковъ, да это естественно, ибо безпристрастное познаніе самого себя приводитъ человѣка къ убѣжденію, что онъ ничего не стоитъ. Изъ такового убѣжденія рождается смиреніе, которое привлекаетъ на христіанина благодать Божію, приводящую его къ нравственному совершенству.

Привелъ ли самоанализъ Л. Толстаго къ смиренію, къ убѣжденію, что онъ какъ человѣкъ и какъ писатель не великъ?

Да, привелъ. Прежде всего графъ Толстой несовершеннымъ считаетъ себя въ нравственномъ отношеніи. „Когда я сталъ хорошенько вспоминать всю свою жизнь, пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей, — и увидалъ всю глупость и мерзость ея, я подумалъ, что же другіе люди, если я, хваленый многими, такая глупая гадь-

на. *) Въ другомъ мѣстѣ Толстой пишетъ: „я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэль, проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, пьянство, насилія, убійства. Не было преступленія, котораго бы я не совершилъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ меня сравнительно нравственнымъ человекомъ.“ **) Смотрѣли на себя низко, разоблачали свою интимную жизнь, свои нравственныя проступки и нѣкоторые другіе великіе писатели, напр. Ж. Руссо въ своей „Исповѣди“; но свое писательское „я“ они охраняли. Что же касается безпощаднаго осужденія своихъ произведеній, своихъ мыслей, своего писательскаго таланта, то писателя, подобнаго въ этомъ отношеніи Толстому, мы не знаемъ. Не будемъ говорить о Гоголѣ, который, подъ вліяніемъ религіозной меланхоліи, сжегъ свое безсмертное произведеніе—вторую часть „Мертвыхъ душъ“. Л. Толстой не изъ какихъ-нибудь постороннихъ, или ненормальныхъ побужденій, а вполне сознательно и спокойно произноситъ судъ надъ своими произведеніями, особенно перваго періода, и, нужно признаться, судъ этотъ строгъ и безпощаденъ. Напримѣръ, объ „Исторіи своего дѣтства“, Толстой отзывается такъ: „я перечелъ,—говоритъ онъ, мое писаніе подъ этимъ заглавіемъ и пожалѣлъ о томъ, что написалъ это: такъ нехорошо, литературно неискренно написано. Въ особенности же не понравились мнѣ теперь двѣ послѣднія части: „Отрочество и Юность“, въ которыхъ, кромѣ нескладнаго смѣшенія правды съ выдумкой, есть и неискренность, желаніе выставить, какъ хорошее и важное, то, что я не считалъ тогда хорошимъ и важнымъ—мое демократическое направленіе“ *) Въ 1863 году въ самый расцвѣтъ своего художественнаго генія Л. Толстой писалъ Фету: „Да кто же такое писалъ „Казаковъ“ и „Поликушку“? Да и что разсуждать о нихъ! Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ... „Поликушка“ болтовня на первую попавшуюся тему человека, который „владѣетъ перомъ“, а „Казаки“ „съ сукровицей“, хотя и плохо“ **)

Такое сильное осужденіе себя и своихъ произведеній давало основаніе предполагать, что Л. Толстой достигнетъ высокой степени нравственнаго совершенства и религіозности. Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?—Толстой отлученъ отъ церкви.

Что привело Толстого къ такому печальному для него и для

*) «Огонекъ», прил. къ «Бирж. Вѣд.» за 1907 г. № 19.

**) Тамъ-же.

почитателей его событію?—То же, что приводило и приводит къ религіозно-нравственному паденію и нѣкоторыхъ христіанскихъ подвижниковъ, именно гордость.

Если бы Л. Толстой остался только художникомъ слова и не вдавался съ своимъ самомнѣніемъ и раціонализмомъ въ религіозную область, то имя Льва Толстого осталось бы высокимъ и незапятнаннымъ для народовъ всякихъ званій и вѣроисповѣданій. Но Толстой возмнилъ себя новымъ проповѣдникомъ, основателемъ новой религіи, новаго Евангелія, новой морали и въ результатъ получилъ еретикъ.

„Разговоръ о вѣрѣ и божествѣ“ пишетъ Л. Толстой,—„навель меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущаго блаженства, но дающей блаженство на землѣ.“ *) Въ этихъ словахъ проглядываетъ сатанинская гордость Толстого. Какъ будто-бы христіанская вѣра, Евангеліе, не обѣщаетъ своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ блаженства и на землѣ насколько это возможно! и что эта за религія, „очищенная отъ вѣры?! „Толстой въ гордости своей думалъ основать новую религію, воображалъ, навѣрное, что онъ скажетъ послѣднее слово въ религіозной области, что основанная имъ религія будетъ религіей „будущаго“, а на самомъ дѣлѣ, онъ, можетъ быть, возвращается къ религіи, основанной нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, напр., хотя бы къ религіи того же Конфуція (только признавая Христа).

Вообще, исторія религіозно-нравственнаго развитія Толстого очень поучительна: это исторія каждаго христіанина, стремящагося къ религіозно-нравственному совершенству, но, вслѣдствіе гордости и самомнѣнія, не только не достигающаго онаго, но падающаго въ бездну золь и грѣховъ.

Остается пожелать, чтобы Левъ Толстой раскаялся передъ смертію своею въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ и умеръ въ соединеніи съ церковію, подобно другому извѣстному русскому писателю—Фонвизину, который передъ смертію своею публично раскаялся въ грѣхѣ невѣрія въ Бога и умеръ, примирившись съ Богомъ и своею совѣстію.

Священникъ Ст. Ф—въ.

*) «Огонекъ», прил. къ «Бирж. Вѣд.» за 1907 г., № 19.